

ФИЛОСОФИЯ PHILOSOPHY

Васечко В.Ю. Нормы судейской этики в свете максим римских юристов-классиков. DOI 10.17506/26867206_2022_22_2_7 // Антиномии. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 7–20.

УДК 340.15:174

DOI 10.17506/26867206_2022_22_2_7

Нормы судейской этики в свете максим римских юристов-классиков

Вячеслав Юрьевич Васечко

Институт философии и права Уральского отделения РАН

г. Екатеринбург, Россия

E-mail: vyacheslavpetro@narod.ru

*Поступила в редакцию 07.10.2021, поступила после рецензирования 17.03.2022,
принята к публикации 18.03.2022*

В статье дается сравнительная характеристика ныне действующего Кодекса судейской этики Российской Федерации и классических максим латинских юристов II–III вв. Сформированный в греко-римской культуре образ «хорошего судьи» (judex bonus) трактуется как вариант и ипостась более общей и фундаментальной идеальной модели «мужа добра» (vir bonus), развитой в перипатетизме и стоицизме. Автором делаются содержательные выводы из той очевидной предпосылки, что одних лишь позитивных законов, в частности регламентирующих юридический статус судьи, недостаточно для надлежащего и эффективного отправления правосудия. Позитивное законодательство, безусловно, нуждается в нравственно-этической надстройке, в нормах иного смысла и уровня, контролирующих образ мышления, мировоззрение и повседневное поведение судьи. В статье прослеживается связь современных этических норм профессионального судейского

© Васечко В.Ю., 2022

цеа с морально-юридическими формулами почти двухтысячелетней давности. На конкретных примерах отмечается то обстоятельство, что современные нормы семантически, а нередко и буквально воспроизводят отдельные понятия, суждения и принципы, известные правоведам еще с античных времен (например, честность, добросовестность, независимость, беспристрастность, компетентность, забота о постоянном совершенствовании действующего законодательства и другие этические качества, которыми должен обладать судья-профессионал). Особо выделено значение норм, регламентирующих внеслужебные отношения и контакты судьи, с точки зрения потребности в профилактике и искоренении возникающих в этой связи коррупционных нарушений и нравственно-правовых деформаций. Обращено внимание на то, что как древняя, так и современная юридическая мысль признает известную условность, неполноту и ограниченность всякого наличного свода законов, равно как и некоторого этического кодекса. На этом основании определяются ориентиры дальнейшего совершенствования и обновления Кодекса судейской этики Российской Федерации в плане продуманных антикоррупционных усилий, актуализирующих и переосмысляющих потенциал древних латинских максим.

Ключевые слова: Кодекс судейской этики Российской Федерации, латинские юридические максимы, римское право, судья, совершенствование правоохранительной системы, позитивный закон, естественная справедливость, коррупция

Judicial Ethical Standards in the Light of Roman Classic Lawyers' Maxims

Vyacheslav Yu. Vasechko

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia

E-mail: vyacheslavpetro@narod.ru

Received 07.10.2021, revised 17.03.2022, accepted 18.03.2022

Abstract. The article provides a comparative characteristics of the current Code of Judicial Ethics of the Russian Federation and the classical maxims of Roman lawyers of the 2nd and 3rd centuries. Formed in the Greco-Roman culture, the image of a “good judge” (*judex bonus*) is interpreted as a variant and hypostasis of a more general and fundamental ideal model of the “man of good” (*vir bonus*), previously developed in Peripatetics and stoicism. Substantive conclusions are drawn from the obvious premise that positive laws alone, in particular those regulating the legal status of a judge, are not sufficient for the normal and effective administration of justice. Positive legislation certainly needs a moral and ethical superstructure, norms of a different meaning and level, namely controlling the way of thinking, mindset and everyday behavior of the judge. The link between modern ethical norms of the professional judicial community and the moral and legal formulas of almost two thousand years old is shown. Specific examples are given to prove that modern norms semantically and often literally reproduce certain concepts, judgments and principles used by jurists since ancient times (for example, honesty, conscientiousness, independence, impartiality, competence, concern for the constant improvement of current legislation and other ethical qualities that a professional judge should necessarily possess). The

importance of the norms regulating non-official relations and contacts of a judge from the point of view of the need for prevention and eradication of corruption deviations and moral and legal deformations arising in this regard is emphasized. Attention is drawn to the fact that both ancient and modern legal thought recognizes a certain conditionality, incompleteness and limitation of any available set of laws, as well as some ethical code. On this basis, guidelines for further improvement and updating of the Code of Judicial Ethics of the Russian Federation in terms of thoughtful anti-corruption efforts that actualize and rethink the potential of ancient Latin maxims are determined.

Keywords: the Code of Judicial Ethics of the Russian Federation; Latin legal maxims; Roman law; judge; improvement of the law enforcement system; positive law; natural justice; corruption

For citation: Vasechko V.Yu. Judicial Ethical Standards in the Light of Roman Classic Lawyers' Maxims, *Antinomies*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 7-20. (in Russ.). DOI 10.17506/26867206_2022_22_2_7.

Римское право на протяжении многих веков было и остается источником, обогащающим, оценивающим, корректирующим как наличную законодательную и правоприменительную практику, так и те юридические теории, которые эту практику обосновывают и осмысляют. Уже в Древнем Риме мало для кого являлось секретом, что лица, получившие от общества или от правителей весьма широкие властные полномочия, часто отнюдь не склонны действовать в интересах справедливого и беспристрастного правосудия, а, напротив, превращают свои должности в средства обогащения, делания карьеры и удовлетворения сугубо эгоистических страстей и запросов. Дошедшие до нас изречения типа *dat veniam corvis, vexat censura columbas* («карающая власть щадит воронов, но обрушивается на голубей») (Барсов 2003: 86) или *summum jus, summa injuria* («высшее право – высшее бесправие») (Бабичев, Боровский 1997: 775) – наглядное тому свидетельство.

Ведущие римские юристы, включая выделенную в Валентиниановом законе о цитировании (427 г.) и перешедшую в Дигесты Юстиниана первую пятерку авторитетов (Папиниан, Павел, Гай, Ульпиан, Модестин), не раз проявляли озабоченность по поводу существовавших в их времена нарушений при отправлении судопроизводства и того, что впоследствии получило наименование коррупции (Темнов 1996а: 41-42; Черниловский 1989: 7). Во многих классических юридических терминах мы легко можем опознать хорошо известные нам из сообщений СМИ (а порой от родственников, друзей, знакомых и из своего собственного опыта) вещи: *reculatus* – злоупотребление должностного лица доверием, присвоение казенных денег (Никифоров 1979: 192), *extortion* – вымогательство, совершаемое кем-либо под предлогом исполнения служебных обязанностей, *crimen repetundarum* – взяточничество, учиненное государственным чиновником, *argumentum argentarium* – денежный довод, то есть попросту взятка, подкуп, *attentat* – ненадлежащее действие судьи, *sub colore officii u sub colore juris* – ситуация, когда имярек совершает незаконные действия под прикрытием своего

официального положения (Темнов 1996b: 85, 87, 161, 350, 374), и др. (см. также: Васечко 2019: 333-335).

Неудивительно, что многие латинские максимы (сформулированные в дескриптивной, оценочной либо в нормативной форме) намного пережили свое время, продолжая и сегодня выполнять когнитивные и регулирующие функции. Причем касается это в первую очередь не позитивных норм (за исключением, может быть, сферы частного права), а естественно-правовых и нравственных. Среди максим римских юристов-классиков значительное место занимают максимы, касающиеся поведения судьи как лица, которое призвано претворять в жизнь высокие идеалы добра и справедливости, делать их фактом бытия, нормой повседневной жизни. Именно от профессиональных и нравственных качеств судьи как центральной фигуры процесса судопроизводства и от его поведения непосредственно зависит правовой климат социума, а опосредованно – и всякий другой (политический, экономический, культурный, нравственно-психологический): *nihil infra regnum subditos magis conservat in tranquillitate et concordia quam debita legum administration* – ничто лучше не удерживает подданных государства в спокойствии и согласии, чем надлежащее исполнение законов (Темнов 1996b: 277). А если судья, мягко говоря, не выглядит в глазах обычного гражданина эталоном нравственной чистоты, то перспективы для такой страны довольно мрачные: *sublata veneratione magistratum, respublica ruit* – утрата уважения к судьям разрушает государство (Никифоров 1979: 246).

Максимы, характеризующие *iudex bonus* (хорошего судью), реализуют более общую установку античной социально-гуманитарной мысли – стремление сконструировать модель идеального человека. Помимо прочего, данная модель связана с определенным этическим кодексом – реестром личностных качеств, которые индивид должен сформировать у себя как с помощью общества, так и самостоятельно. Наиболее известны модели Аристотеля («Никомахова этика»), а также Сенеки («Нравственные письма к Луцилию»), использующего выражение *vir bonus* – человек (или муж) добра (Сенека 1986: 257, 270, 289, 309-310, 332-334, 414). В определенном смысле *iudex bonus* – это конкретизация и ипостась *vir bonus*, так как совершенный человек, живя в обществе, должен нести те или иные обязанности, играть какую-то социальную роль, и потому добродетели человека как такового требуют дополнения в виде добродетелей, свойственных избранной им профессии.

Вполне закономерно, что наличия одних лишь позитивных законов, в том числе формально регламентирующих юридический статус судьи, недостаточно. Для эффективного отправления правосудия необходимо дополнить эти законы нормами иного уровня и иного смысла, контролирующими в первую очередь образ мышления судьи, его мировоззрение и поведение, и это ясно ощущалось уже римскими юристами. В современном мире необходимость такой нравственной «надстройки» над позитивным законодательством также налицо, о чем свидетельствует функционирование системы юстиции самых разных стран. Применительно к России это выражается в том, что наряду с Законом РФ «О статусе судей в Российской Федерации» (последняя редакция которого действует с 25 октября 2019 г.) (Закон Рос-

сийской Федерации № 3132-1, 1992), где были детально прописаны юридические права и обязанности судьи, отечественное судейское сообщество приняло в 2004 г. Кодекс судейской этики (далее – Кодекс), который был с изменениями переутвержден в декабре 2012 г. VIII Всероссийским съездом судей (Кодекс судейской этики, 2012). Особенность последнего состоит в том, что помимо конкретизации и развития требований к судье, определенных в Законе РФ «О статусе судей в Российской Федерации», он содержит положения чисто нравственного свойства и устанавливает правила поведения судьи как при осуществлении профессиональной деятельности, так и во внеслужебных отношениях (см.: Кобликов 2012: 158-159). Внимательное чтение и анализ данного документа со всей очевидностью показывают, что латинские юридические максимы, возраст которых измеряется без малого двумя тысячами лет, продолжают работать и по сей день. Перед нами, по сути дела, современный кодифицированный вариант *judex bonus* с четким описанием тех этических качеств, которыми должно обладать лицо, профессионально занимающееся отправлением правосудия.

Если не все, то, во всяком случае, многие из требований, предъявляемых к современному российскому судье, находят свои аналоги в формулировках, известных в Риме первых веков нашей эры. «Честное и добросовестное исполнение каждым судьей своих обязанностей», о котором говорится уже в Преамбуле Кодекса, есть почти дословное повторение латинского *de fide et officio judicis non recipitur quaestio* – добросовестность и честность судьи не подвергаются сомнению (Темнов 1996b: 124). Принцип независимости судьи (см. также: Закон Российской Федерации № 3132-1, 1992: ст. 9, 10), заявленный в Преамбуле и развитый в ст. 8 Кодекса, можно рассматривать как конкретизацию и подтверждение максимы *justitia debet esse libera, quia nihili iniquius venali justitia* – правосудие должно быть свободным, ибо нет ничего более несправедливого, чем продажное правосудие (Никифоров 1979: 141-142). Принцип нравственной справедливости, не сводимой к формальному, сугубо правовому смыслу (см.: Кобликов 2012: 122; Корсаков 2008; Костогрызов 2019), также присутствующий в Преамбуле и проходящий красной нитью через весь Кодекс, постоянно подчеркивался римскими юристами: *judex ante oculos aequitatem semper habere debet* – судья всегда должен иметь справедливость перед своими глазами (Темнов 1996b: 224); *aequum et bonum est lex legum* – справедливость и благо есть закон законов (Барсов 2003: 23); в целом же они считали, что *id quod semper aequum ac bonum est jus dicitur* – право есть то, что всегда является справедливым и добрым (Бартошек 1989: 404); *jus est ars boni et aequi* – право есть наука о том, что хорошо и справедливо (Барсов 2003: 186). Следует отметить, что прилагательное *aequum*, традиционно переводимое в данном контексте как «справедливое», в других контекстах вернее переводить как «равное», и не случайно, что и этому принципу – принципу равенства – посвящена отдельная (десятая) статья Кодекса.

То бесспорное обстоятельство, что «судья должен осуществлять профессиональную деятельность в строгом соответствии с законом, опираясь на внутреннее убеждение и не поддаваясь влиянию кого бы то ни было»

(Кодекс судейской этики, 2012: ст. 8, п. 3), также подчеркивалось юристами-классиками, признававшими, что не чьи-то мнения и интересы, а именно действующее законодательство – главный ориентир судьи при вынесении приговора: *judicis est jus dicere non dare* – обязанность судьи – отправлять правосудие, а не издавать законы (Темнов 1996b: 226). Вот почему наилучшим судьей римские юристы считали того, который берет на себя меньше всего – *optimus iudex qui minimum sibi* (Темнов 1996b: 297), то есть не претендует на то, чтобы бесосновательно и самоуверенно позиционировать себя выше законодателя. И их максима *id tantum possumus, quod de jure possumus* – мы можем делать лишь то, что можем делать законно (Барсов 2003: 158) – это не странный, бессодержательный (и к тому же тавтологично звучащий) трюизм, как может кому-то показаться на первый взгляд, а настоятельное руководство к действию для того, чье «делание» заключается именно в вынесении справедливых приговоров.

«Судья, – гласит Кодекс судейской этики, – при исполнении своих обязанностей по осуществлению правосудия должен исходить из того, что судебная защита прав и свобод человека и гражданина определяет смысл и содержание деятельности органов судебной власти» (Кодекс судейской этики, 2012: ст. 4, п. 1). Эта нравственно-этическая норма с учетом того, что в защите нуждаются прежде всего пострадавшие люди и граждане (оказавшиеся в куда более тяжелом или сравнительно худшем положении, чем окружающие), также явственно перекликается с классическими максимами: *justitia nemine neganda est* – нельзя никому отказывать в правосудии (Барсов 2003: 186), причем, как подчеркивал Ульпиан, никогда нельзя отказывать попавшим в беду, пусть нередко частично и по их собственной вине: *praetor hominibus vel lapsis vel circumscriptis subvenit* – судья помогает людям, которые ошиблись или были обмануты (Бартошек 1989: 418). Пункты ст. 15 Кодекса, где устанавливаются полномочия судьи, связанные с развитием права и законодательства (например: «Судья вправе участвовать в мероприятиях, направленных на развитие права и совершенствование законодательства, судебной системы и правосудия» (Кодекс судейской этики, 2012: ст. 15, п. 1), суть не что иное, как рецепции еще одной древней этической установки: *boni iudicis est ampliare justitiam* – обязанность хорошего судьи – принимать решения, способствующие развитию правосудия (Темнов 1996b: 91).

Постоянное совершенствование ныне действующей законодательной системы, изменение смысла одних статей, исключение вторых или, наоборот, включение третьих предполагает регулярное знакомство работника-юриста с новациями, которые имеют место в данной сфере. Это является предметом п. 4 ст. 11 Кодекса, где к судье предъявляется требование поддерживать свою квалификацию на высоком уровне и расширять профессиональные знания, совершенствовать практический опыт и использовать возможности как самостоятельного обучения, так и систематической переподготовки в государственной системе повышения квалификации. Но на это же, собственно, обращали внимание и юристы Античности и когда подчеркивали, что *iudex habere debet... salem sapientiae ne sit insipidus* – судья должен обладать свойством мудрости, чтобы он не был глуп (Никифоров

1979: 132), и когда отмечали, что *factum a iudice quod ad eius officium non spectat non ratum est* – действие судьи, которое не входит в его компетенцию, является ничтожным (Темнов 1996b: 163), и когда предупреждали, что *ignorantia iudicia est calamitas innocentis* – невежество судьи есть бедствие для невинного (Темнов 1996b: 192). Разумеется, самоуправство судьи необязательно может иметь причиной именно его невежество, отсталость от жизни, но, так или иначе, свободная ориентация в текущем законодательстве всегда остается его обязанностью. Что же касается не вполне ясной вне контекста максимы *est boni iudicis ampliare jurisdictionem* – хороший судья должен понимать свою юрисдикцию расширительно (Темнов 1996b: 148), то в ней предполагается, что для такого широкого понимания надо как минимум точно знать, какие конкретно границы компетенции устанавливает действующий официальный закон для данного субъекта, вершащего правосудие.

Как известно, в Древнем Риме нередким было затягивание судебных процессов, которые могли длиться долгие годы. Естественно, это не с лучшей стороны характеризовало судей и резонно становилось объектом внимания и критики юристов-теоретиков. Отсюда, в частности, возникли термин *amplius*, который служил для обозначения судьи-волокильщика, слишком много времени тратившего на рассмотрение дела и постоянно откладывавшего слушания (см.: Никифоров 1979: 19), и максима *ausuria verborum sunt iudice indigna* – буквоедство ниже достоинства судьи (Темнов 1996b: 87), осуждавшая юридическое крючкотворство, затягивание судопроизводства придирами к неточностям или шероховатостям в письменных документах. Особо подчеркивалось, что *iustitia debet esse... celeris, quia dilation est quaedam negation* – правосудие должно быть скорым, ибо промедление есть вид отказа (Никифоров 1979: 141-142). Судья по Кодексу, и эта коррупционная проблема не потеряла сегодня своей актуальности: «Судья должен исполнять свои профессиональные обязанности... обеспечивая необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав, обеспечивая справедливое рассмотрение дела в разумный срок», – гласит п. 6 ст. 10. В следующей статье Кодекса это требование конкретизируется: «Судья должен... проводить судебные заседания, не допуская назначения рассмотрения нескольких дел на одно и то же время, неоднократных и безосновательных отложений судебных разбирательств, в том числе в связи с их ненадлежащей подготовкой» (Кодекс судебной этики, 2012: ст. 11, п. 3).

Немалое число латинских максим фиксирует внимание на связях, в которые вступает правоохранитель с различными людьми во внеслужебной деятельности. История сохранила множество емких формул, в которых римские юристы (а также писатели, философы, ораторы) критически оценивали поведение иных жрецов Фемиды: *dona clandestina sunt semper suspicios* – тайные дары всегда вызывают подозрение (Темнов 1996b: 139); *consortio malorum me quoque malum facit* – общение с дурными людьми и меня делает дурным (Никифоров 1979: 41); *quamvis aliquid per se non sit malum, tamen si sit mali exempli, non est faciendum* – хотя нечто может быть

и неплохо само по себе, но если это подает дурной пример, этого не следует делать (Темнов 1996b: 330) и т.д. Очевидно, что *commodum ex injuria sua non habere debet* – никто не должен получать выгоду от совершения им правонарушения (Темнов 1996b: 102), и в первую очередь это относится к знакомым, приятелям и родне имеющих большие властные полномочия лиц, к которым принадлежат и члены судейского корпуса. Близкие связи, а тем более дружба с сомнительными личностями не могут не деформировать жизненные установки судьи и не отражаться на принимаемых им решениях, подталкивая его к потворству нечистоплотным субъектам, к действиям в духе пресловутого принципа «друзьям – всё, остальным – закон»: *dispensation est vulnus, quod vulnerat jus commune* – изъятие из закона есть вред, ибо оно вредит общему праву (Темнов 1996b: 135).

Вполне закономерно, что в свете непрекращающейся борьбы с коррупцией тема регламентации внеслужебной деятельности судьи основательно развивается в рассматриваемом Кодексе. Наиболее подробно она раскрывается в ст. 6, которая регламентирует взаимоотношения судьи с различными категориями граждан: «Судья должен... избегать всего, что могло бы умалить авторитет судебной власти и причинить ущерб репутации судьи», «судья не должен использовать свой статус в целях получения каких-либо благ, услуг, коммерческой или иной выгоды для себя, своих родственников, друзей, знакомых...», «судья не должен совершать каких-либо действий либо давать повод другим лицам совершать такие действия, которые позволяли бы сделать вывод об оказании влияния на осуществление судьей его полномочий и усомниться в независимости и беспристрастности судьи» (Кодекс судейской этики, 2012: ст. 6, п. 1, 3, 5). С этой темой тесно связаны и ст. 19 Кодекса, запрещающая судьям заниматься предпринимательской деятельностью (п. 1), и ст. 20, определяющая порядок вознаграждения, получаемого судьей в связи с осуществлением внесудебной деятельности. Очевидно, что чем шире масштаб вовлечения индивида в занятия, не связанные непосредственно с исполнением профессиональных судейских обязанностей, тем сложнее ему действовать независимо, объективно и беспристрастно и тем вероятнее соблазны и «тайных даров», и «общения с дурными людьми», и «изъятия из закона», и многого другого, о чем некогда писали классики римской юриспруденции.

Важным обстоятельством, которое роднит Кодекс судейской этики с нормами римских юристов, на наш взгляд, является осознание ограниченности имеющегося в данный момент свода законов, необходимости его постоянного совершенствования, а также признание того, что в любом случае нельзя охватить все могущие стать предметом судебного разбирательства казусы. Отсюда – апелляция при вынесении приговора к иным источникам, нежели официально оформленные и текстуально закрепленные нормы. У древних римлян это обычно принимало форму фиксации несовпадения требований, которые буквально диктуют *jus* (право) и *lex* (закон), с естественной справедливостью – *aequitas naturalis* или просто *aequitas*. «*Licet hoc jure contingat, tamen aequitas dictat...*» («хотя это и по праву, однако справедливость требует...»), – делает многозначительную оговорку Ульпи-

ан (цит. по: Бартошек 1989: 380). «*Naec aequitas suggerit, etsi jure deficiamus*» («это желательно по справедливости, хотя (четкое) правовое предписание и отсутствует»), «*in omnibus, maxime tamen in jure aequitas spectanda est*» («во всех делах, особенно же в праве, нужно помнить о справедливости»), – вторит ему Павел (цит. по: Бартошек 1989: 380). Явно в укор многим тогдашним и будущим жрецам Фемиды Павел также прозрачно намекает на особ, которые стремятся подмять закон под себя, использовать его для решения своих личных проблем: «*Ne cui dolus suus, per occasionem juris civilis, contra naturalem aequitatem prosit*» («злой умысел никому не должен пойти на пользу под предлогом права, вопреки естественной справедливости») (цит. по: Бартошек 1989: 392). Не остается в стороне от этой темы и Марцелл, указывая, что «*ubi aequitas evidence poscit, subveniendum est*» («там, где этого явно требует справедливость, нужно помочь») (цит. по: Бартошек 1989: 380), и возлагая основную ответственность за данную помощь в первую очередь на тех, кто облечен властью закона.

Общий принцип, которым призван руководствоваться юрист-практик в случае возникновения правовых коллизий, мы встречаем у Ульпиана: «*In omnibus aequitas naturalis praeferenda est rigori juris*» («во всех делах естественная справедливость предпочтительнее строгости права») (цит. по: Бартошек 1989: 380). Данную идею о безусловном приоритете общечеловеческого над корпоративным, естественного над искусственным, сути над формой следует считать одним из важнейших достижений римской юридической мысли.

В Кодексе проблема этического выбора, который должен сделать российский судья, оказавшийся в трудной, нестандартной, неоднозначной ситуации, причем сделать так, чтобы не поступиться высокими принципами гуманности и справедливости, рассматривается в разных аспектах. В частности, указывается на неполноту, несовершенство, ограниченность самого этого Кодекса: «В тех случаях, когда какие-либо вопросы судейской этики не урегулированы Кодексом судейской этики, судья должен следовать общепринятым принципам нравственно-этического поведения в обществе, а также международным стандартам в сфере правосудия и поведения судей» (Кодекс судейской этики, 2012: ст. 2, п. 3). Строго говоря, это означает, что в тех случаях, когда точного и недвусмысленного ответа в тексте Кодекса судья не обнаруживает, ему остается руководствоваться своей совестью и собственными представлениями о должном, правильном и справедливом – хотя бы потому, что «общепринятые принципы нравственно-этического поведения в обществе» и «международные стандарты в сфере правосудия и поведения судей» суть слишком расплывчатые, многозначные и противоречивые концепты, которые в лучшем случае могут предложить лишь несколько альтернативных вариантов решения нравственной дилеммы. Последнее слово остается за собственным я судьи, на которого ложится и вся ответственность за избранное решение.

Есть в Кодексе и другой вариант выхода из этически проблемной ситуации. За судьей, «испытывающим затруднения в определении того, будет ли его поведение в конкретной ситуации отправления правосудия либо во

внесудебной деятельности соответствовать требованиям профессиональной этики и статусу судьи», закрепляется право «обратиться с соответствующим запросом в Комиссию Совета Судей Российской Федерации по этике за разъяснением, в котором ему не может быть отказано» (Кодекс судейской этики, 2012: ст. 2, п. 5). Но это, разумеется, следует рассматривать как крайний случай – хотя бы потому, что штат российских судей составляет порядка 30 тыс. человек (на 2020 г. – 25 443 судьи судов общей юрисдикции плюс 4493 судьи арбитражных судов (см.: Стулов 2019), и федеральная комиссия по судейской этике просто физически не в состоянии разбираться в моральных проблемах каждого отдельно взятого судьи. Обязанность, равно как и право, находить баланс между буквой и духом закона, между справедливостью формально законной и справедливостью естественной, общечеловеческой остается прерогативой того индивида, которого государство и общество наделили соответствующими полномочиями.

Касаясь вопроса о праве судьи действовать нешаблонным, неординарным способом в тех случаях, когда невозможно привлечь к ответственности согласно букве закона заведомо порочных и тем более безусловно совершивших (по мнению судьи) противоправные действия субъектов, нельзя не вспомнить ст. 13 Кодекса – «Взаимодействие со средствами массовой информации». Функция судьи здесь не только «объективное, достоверное и оперативное информирование общества о деятельности суда» (ст. 13, п. 1) в рамках установления обратной связи между правоохранительной системой и общественным мнением. Честный, нелицеприятный рассказ судьи о тех трудностях, с которыми ему довелось столкнуться при разборе конкретного кейса, особенно когда речь идет о делах резонансных, серьезно помогает и «формированию правосознания граждан», и «укреплению доверия к суду», и «повышению авторитета правосудия» (ст. 13, п. 2). Выяснение причин, которые позволили кому-то ловко ускользнуть от карающей длани закона, посредством вынесения их на публичное обсуждение – как в профессионально-юридической среде, так и за ее пределами – является и желательным, и необходимым, поскольку «судья вправе давать пояснения либо комментариев к принятому им решению, высказывать мнение о сложившейся практике применения норм материального и/или процессуального права» (ст. 13, п. 4). Открытая дискуссия, которая почти наверняка развернется по поводу обозначенной в данном непростом случае проблемы, так или иначе поможет определить пути выхода из аналогичных ситуаций в будущем.

Ориентиром и в то же время ограничителем для современного *judex bonus* остается максима *ampliare justitiam* – принимать решения, содействующие развитию правосудия. И самокритика, и критика индивидом чужих судебных решений и процессуальных действий должны быть таковы, чтобы не происходило тотальной дискредитации существующей правовой системы в глазах общественности и чтобы в социуме не распространялся дух анархического беспредела. Отсюда и озабоченность риском формирования в средствах массовой информации искаженного представления о работе судов и судей, и право судьи на личное обращение в правоохранительные органы с целью защиты чести и достоинства (равно как и в средства массовой информации –

для публичного ответа на критику) (ст. 13, п. 5), и четкая рекомендация судьям проявлять сдержанность и осмотрительность в ответах на публичную критику (ст. 13, п. 6). Высшая цель – совершенствование и оптимизация работы всей правоохранительной системы – должна оправдывать те средства, которые используют судьи как при вынесении отдельных решений или приговоров, так и при оценке действий, мотивов и рефлексий своих коллег.

В свете того, что утвержденный в декабре 2012 г. Кодекс (как и его предшественники – Кодекс образца 2004 г. и еще более ранний Кодекс чести судьи РФ 1993 г.) ни в коем случае не претендует на то, чтобы служить полным, окончательным и неизменным сводом этических норм российского судьи, будет небезынтесной попытка наметить возможные пути его дальнейшего обновления. И здесь нам также могут помочь классические формулы, особенно те из них, которые пока что не фигурируют (или представлены не слишком очевидно) в тексте ныне действующего Кодекса.

Светилами римского права немало говорилось о том, что нельзя подпускать к осуществлению судейских обязанностей нечистоплотных (и не столько в физическом, сколько в моральном плане) людей. Вспомним, к примеру, максимум: *impuris minibus nemo accedat curiam* – пусть никто не приближается к суду с нечистыми руками (Темнов 1996b: 196). И, пожалуй, самым явным и недвусмысленным внешним индикатором этой нечистоплотности, внутренней поврежденности индивида выступает его лживость: *fraus et jus nunquam cohabitant* – обман и правосудие никогда не уживаются (Барсов 2003: 135). Думается, что включение в Кодекс (например, в ст. 9 «Принцип объективности и беспристрастности» или в ст. 11 «Компетентность и добросовестность судьи») ясного указания на то, что преднамеренное искажение фактов несовместимо с отправлением правосудия и что судья, публично уличенный во лжи (по крайней мере, во время участия в конкретном судебном разбирательстве), лишается морального права занимать свою должность, заметно оздоровило бы обстановку в судейском корпусе. Пока судьи, пойманные на умышленном дезинформировании и намеренном обмане (участников какого-либо процесса, журналистов, общественности), остаются безнаказанными и продолжают спокойно оставаться на своих местах, трудно надеяться на то, что их коллеги будут воздерживаться от аналогичных действий.

Как на то отмечал Марцелл, *«perspicendum est iudicanti, ne quid aut durius aut remissius constitatur, quam causa deposcit»* («судья должен стараться решать дело не строже и не мягче, чем требует данный случай») (цит. по: Бартошек 1989: 402). Схожую мысль высказывал и Цельс: *«Bonus iudex varie ex personis causisque constituet»* («хороший судья принимает решения по-разному, с учетом особенностей дела и участвующих в нем лиц») (цит. по: Бартошек 1989: 402). Очевидно, что речь здесь идет о взвешенности, сбалансированности, оптимальности выносимых судьей решений, о его способности мыслить гибко, максимально учитывая конкретные обстоятельства. Экспликация в Кодексе данных понятий (близких по смыслу, как нам представляется, содержанию ст. 11) послужила бы хорошим стимулом для освобождения мышления судей от шаблонов и стереотипов, от формализма и весьма распространенного и соблазнительного стремления укрыться за

буквой закона, от нежелания вникнуть в специфику, понять уникальность каждого рассматриваемого дела.

Boni iudicis est litis dirimere; et interest reipublicae ut sint fines litium – хороший судья доводит дело до конца; и в том интерес государства, чтобы дело доводилось до конца (Никифоров 1979: 28), кроме того, *interest reipublicae ne maleficia remaneant impunita* – в интересах государства, чтобы преступники не оставались безнаказанными (Темнов 1996b: 220). Иными словами, правосудие не должно останавливаться на полпути, и в определенных случаях судья должен быть наделен моральным правом на самые энергичные действия, и в том числе на действия, выходящие за рамки его непосредственных служебных обязанностей. Безусловно, в этой ситуации судья вправе рассчитывать на моральную поддержку коллег по профессиональному цеху. Десятая статья Кодекса («Принцип равенства»), в которой говорится об «обеспечении равного отношения ко всем лицам, участвующим в деле», как раз и могла бы служить необходимым форматом для внесения соответствующей этической нормы.

Наконец, как полагали римские юристы, *receditur a placitis juris potius quam injurae et delicta maneat impunita* – лучше отойти от установленных законов, чем допустить, чтобы правонарушения и преступления оставались безнаказанными (Никифоров 1979: 225), а там, где рутинные юридические процедуры оказываются бессильными против зла, нужно проявить находчивость и смекалку, действуя креативно и нестандартно: *ubi cessat remedium ordinarium ibi decurritur ad extraordinarium* – когда обычный способ защиты права бесполезен, используется необычный способ (Темнов 1996b: 383). Определить, в чем конкретно будет заключаться этот «экстраординарный способ» и как именно он будет использован, – и суверенное право лица, наделенного необходимыми полномочиями, и его безусловная обязанность. Но в любом случае индивид, идущий на такие достаточно рискованные и чреватые малопредсказуемыми последствиями действия, должен быть уверен, что его усилия встретят понимание, одобрение и поддержку в судебном сообществе. Поэтому официальное закрепление за судьей такого права (пусть не в позитивном Законе РФ «О статусе судей Российской Федерации», а хотя бы в этическом Кодексе), без сомнения, добавит смелости, убежденности и активности тем, кто непосредственно столкнулся с недостатками, несовершенством и ограниченностью существующей правоохранительной системы.

Итак, анализ дошедших до нас в письменных памятниках античной эпохи юридических суждений и максим обнаруживает, что проблемы, связанные с оптимизацией судейской работы, с профилактикой и преодолением коррупции, с которой нередко сопряжено выполнение этой ключевой социально-правовой роли, издавна находились в поле зрения наиболее авторитетных правоведов. Корифеи римской юридической мысли в своей критике старались не ограничиваться абстрактным морализаторством, но стремились прежде всего сформулировать такие нравственные и поведенческие правила, благодаря соблюдению которых на судейской должности оказывались бы не равнодушные марионетки и не порочные личности, а

bonum iudices – сознательные, убежденные, ответственные и в то же время широко, свободно и креативно мыслящие слуги закона.

Весьма современное звучание многих латинских максим, известных уже две тысячи лет, говорит как о невероятной живучести зафиксированных в них моральных дефектов, так и о необходимости постоянной и беспощадной борьбы с ними. Можно с уверенностью утверждать, что работа над дальнейшим совершенствованием официальных юридических документов, подобных рассмотренному здесь Кодексу судейской этики, и дальше будет вестись с учетом того идейно-теоретического и нормативно-практического потенциала, который оставило нам в наследство римское право.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бабичев Н.Т., Боровский Я.М. 1997. Словарь латинских крылатых слов. Москва : Терра. 960 с.

Барсов С.Б. (сост.). 2003. Вечные истины на вечной латыни. De verbo in verbum : Латинские изречения / сост. С.Б. Барсов. Москва : Центрполиграф. 448 с.

Бартошек М. 1989. Римское право: Понятия, термины, определения. Москва : Юрид. лит. 448 с.

Васечко В.Ю. 2019. Латинские юридические максимы как элементы правосознания и как форма нравственной оценки работы правоохранительной системы // Актуальные проблемы научного обеспечения государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции : сб. тр. по итогам Третьей Всерос. науч. конф. с междунар. участием / отв. ред. В.Н. Руденко. Екатеринбург. С. 332–348. DOI 10.17506/articles.anticorruption.2018.332348

Кобликов А.С. 2012. Юридическая этика : учебник. Москва : Норма : Инфра-М. 176 с.

Корсаков К.В. 2008. Нравственность и право – сообщающиеся средства общественного упорядочивания и очерчивания поведенческих границ // Вестник Уральского института экономики, управления и права. № 2. С. 27–31.

Костогрызов П.И. 2019. Общинное право // Антиномии. Т. 19, № 2. С. 67–86. DOI 10.17506/aip.2019.19.2.6786

Никифоров Б.С. (сост.). 1979. Латинская юридическая фразеология / сост. Б.С. Никифоров. Москва : Юрид. лит. 264 с.

Сенека Л.А. 1986. Нравственные письма к Луцилию / пер., послесл. и примеч. С.А. Ошерова. Кемерово : Кн. изд-во. 464 с.

Стулов О. 2019. Определена «цена» судебной системы России, 26.09.2019. URL: <https://legal.report/opredelena-cena-sudebnoj-sistemy-rossii/> (дата обращения: 16.06.2021).

Темнов Е.И. (сост.). 1996b. Латинские юридические изречения. Москва : Юристъ. 400 с.

Темнов Е.И. 1996a. Звучащая юриспруденция // Латинские юридические изречения / сост. Е.И. Темнов. Москва : Юристъ. С. 5–62.

Черниловский З.М. 1989. Предисловие // Бартошек М. Римское право: Понятия, термины, определения. Москва : Юрид. лит. С. 5–14.

Закон Российской Федерации от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» (с изм. на 02.08.2019) (ред., действующая с 25.10.2019). URL: <https://base.garant.ru/10103670/> (дата обращения: 16.06.2021).

Кодекс судейской этики от 19.12.2012 г. : Утвержден VIII Всероссийским съездом судей 19.12.2012) (с изм. и доп.). URL: <https://base.garant.ru/70301432/> (дата обращения: 16.06.2021).

References

- Babichev N.T., Borovsky Ya.M. *Dictionary of Latin winged words*, Moscow, Terra, 1997, 960 p. (in Russ.).
- Barsov S.B. (comp.). *Eternal Truths in Eternal Latin. De verbo in verbum: Latin sayings*, Moscow, Tsentrpoligraf, 2003, 448 p. (in Russ.).
- Bartošek M. *Roman law: concepts, terms, definitions*, Moscow, Yuridicheskaya literature, 1989, 448 p. (in Russ.).
- Chernilovskiy Z.M. Preface, *M. Bartoshek, Rimskoe pravo: Ponyatiya, terminy, opredeleniya*, Moscow, Yuridicheskaya literature, 1989, pp. 5-14. (in Russ.).
- Code of Judicial Ethics of 19.12.2012: Approved by the VIII All-Russian Congress of Judges on 19.12.2012 (with amendments and additions)*, available at: <https://base.garant.ru/10103670/> (accessed June 16, 2021). (in Russ.).
- Koblikov A.S. *Legal ethics : Textbook*, Moscow, Norma, Infra-M, 2012, 176 p. (in Russ.).
- Korsakov K.V. Morality and Law – Communicating Means of Public Organizing and Outlining Behavioral Boundaries, *Vestnik Ural'skogo instituta ekonomiki, upravleniya i prava*, 2008, no. 2, pp. 27-31. (in Russ.).
- Kostogryzov P. Community Law, *Antinomies*, 2019, vol. 19, no. 2, pp. 67-86. DOI 10.17506/aip.2019.19.2.6786 (in Russ.).
- Nikiforov B.S. (comp.). *Latin legal phraseology*, Moscow, Yuridicheskaya literature, 1979, 264 p. (in Russ.).
- Seneca L.A. *Moral Letters to Lucilius*, Kemerovo, Knizhnoe izdatel'stvo, 464 p. (in Russ.).
- Stulov O. *The "price" of the judicial system of Russia is determined*, 26.09.2019, available at: <https://legal.report/opredelena-cena-sudebnoj-sistemy-rossii/> (accessed June 16, 2021). (in Russ.).
- Temnov E.I. (comp.). *Latin legal sayings*, Moscow, Yurist", 1996, 400 p. (in Russ.).
- Temnov E.I. Sounding jurisprudence, *E.I. Temnov (comp.) Latinskie yuridicheskie izrecheniya*, Moscow, Yurist", 1996, pp. 5-62. (in Russ.).
- The Law of the Russian Federation of 26.06.1992 No. 3132-1 "On the Status of Judges in the Russian Federation" (as amended on 02.08.2019) (ed., effective from 25.10.2019)*, available at: <https://base.garant.ru/10103670/> (accessed June 16, 2021). (in Russ.).
- Vasechko V.Yu. Latin Judicial Maxims as Elements of Legal Consciousness and a Form of Moral Evaluation of Enforcement System, *V.N. Rudenko (ed.) Aktual'nye problemy nauchnogo obespecheniya gosudarstvennoy politiki Rossiyskoy Federatsii v oblasti protivodeystviya korrupszii: sb. tr. po itogam Tret'ey Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem*, Yekaterinburg, 2019, pp. 332-348. DOI 10.17506/articles.anticorruption.2018.332348 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Вячеслав Юрьевич Васечко

доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения РАН, г. Екатеринбург, Россия;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1808-4404>;
ResearcherID: K-2505-2018;
SPIN-код: 3610-5534;
E-mail: vyacheslavpetro@narod.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vyacheslav Yu. Vasechko

Doctor of Philosophy, Associate Professor, Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia;
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1808-4404>;
ResearcherID: K-2505-2018;
SPIN-код: 3610-5534;
E-mail: vyacheslavpetro@narod.ru